

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА¹

В условиях становления общества риска происходит трансформация способов обращения к прошлому на трех уровнях: институциональном, коммуникационном и ценностном. Становление новых институтов, ответственных за трансляцию исторической памяти, происходит в рамках сетевых взаимодействий. Ценностная трансформация проявляется в возникновении потребительского измерения прошлого, когда историческая память начинает не только воспроизводиться, но и потребляться.

Ключевые слова: историческая память, общество риска, трансформация, историческая репрезентация.

Об авторе: Аникин Даниил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; dandee@list.ru.

В 90-ые годы нарастание угроз нормальному цивилизационному развитию привело к возникновению понятия «общество риска», которое стало одним из самых популярных как в массовом сознании, так и в научных кругах. Во многом эта ситуация была связана с появлением монографии У. Бека «Общество риска: на пути к другому модерну», где было проанализировано увеличение рисков в современном обществе и рассмотрены варианты выхода из сложившейся ситуации. Работы У. Бека служат яркой иллюстрацией деятельностного подхода к исследованию рисков, поскольку в них природа кризисных ситуаций вычленяется в самой специфике человеческой преобразовательной (производственной) деятельности, а риски отождествляются с опасностями,

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 14-33-01237 а2 "Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: источники, механизмы, закономерности, перспективы".

возникающими на пути реализации человеком своих устремлений и желаний.

Говоря о современных факторах рискогенности, позволяющих ввести концепт «общества риска», необходимо коснуться более широкого вопроса о соотношении научной теории с эмпирической действительностью, поскольку сам Ульрих Бек обращал внимание на то, что «общество риска представляет собой результат полноценной реализации наметившихся в современном обществе тенденций»². Соответственно, само общество риска выступает не феноменом настоящего, а проекцией на будущее тех опасностей, которые оказываются заложены в современных социальных противоречиях.

Не ссылаясь прямо на своего знаменитого соотечественника, Бек использует методологию выделения идеальных типов, предложенную еще Максом Вебером. Согласно этой методологии, идеальный тип «создается посредством одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения множества диффузно и дискретно существующих *единичных* явлений (в одном случае их может быть больше, в другом – меньше, а кое-где они вообще отсутствуют), которые соответствуют тем односторонне вычлененным точкам зрения и складываются в единый *мысленный образ*»³. Идеальный тип не является, следовательно, нормативным или описательным понятием, средней или медианной величиной. Это – логическая конструкция, единственное назначение которой реализуется ее эвристическим характером⁴. Эвристический смысл категории «общество риска» определяется теми акцентами, которые ее применение позволяет поставить на проблемных тенденциях современного общества, проявляющихся в изменении институциональной сетки общества в совокупности с ментальными основаниями мышления и деятельно-

² Бек У. 2000, 14.

³ Вебер М. 1990, 390.

⁴ Подробнее о применении этой методологии в социальных науках см. Мило Д. 1994, 189.

сти отдельных людей. Иначе говоря, в современном обществе можно диагностировать не просто значительное увеличение, но и качественное изменение рисков, угрожающих нормальному развитию социума в целом, поэтому наиболее адекватным теоретическим конструктом, позволяющим сосредоточить на этом обстоятельстве внимание исследователя, становится введение новой категории.

Немецким ученым рассматривается, прежде всего, институциональный уровень устройства общества, поэтому увеличение значения рисков связывается им с логическим завершением процесса модернизации, который теряет свое легитимное обоснование – преодоление очевидной нехватки продуктов. Впрочем, уже понятие легитимности, также отсылающее к Веберу, позволяет перенести вопрос из социологической плоскости в плоскость социально-философскую, поскольку обозначает социокультурное обоснование стабильности функционирования общества и социальных институтов.

Риски имели место на протяжении существования человечества, но если первоначально это были личные риски (по крайней мере, по их последствиям), то модернизация сделала риски социально значимыми – отныне риски начинают выходить за рамки индивидуальной биографии и превращаются в фактор угрозы для общества в целом. Бек отмечает важную тенденцию – в рискогенной ситуации оказывается каждый человек, вне зависимости от своего социального статуса и готовности пойти на этот риск, следовательно, современный риск является независимым от человека и его желаний. Риски, в общем и целом, есть продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усложняться⁵. Отличие современного общества, исчерпывающего возможности модернизации, проявляется в перерастании рисками того производственного потенциала, который введение новых технологий приносило в развитие общества.

⁵ Бек У. 2000, 14.

Каждое социальное действие имеет положительные и отрицательные последствия – общественное богатство и риски порождаются одним процессом, но выходят на авансцену истории они в разное время, поэтому, можно сказать, человек пожинает плоды своей же деятельности, которая на определенном этапе приобретает негативный характер. Любые социальные процессы и структуры являются в этом случае вероятностными, требующими подсчета заложенных в них рисков. Именно это положение сделало ведущим такое направление как *социология рисков*, редуцирующая проблему устранения социальных рисков к простой калькуляции, т.е. к применению количественно-математических методов, которые являются необходимыми, но недостаточными, поскольку в этом случае игнорируется взаимосвязь рисков с другими факторами и сферами общественной жизни⁶. Постановка проблемы о природе риска и его типах требует не только анализа места рисков в структуре общества, но и места «общества риска» в ряду стадий общественного развития.

Уже в начале 90-х годов XX в. У. Бек диагностировал, что социальные и экономические процессы незаметно утратили свою результативность – вместо производства общественных благ они стали создавать риски, причем не только для непосредственных участников данных процессов, но и для всех окружающих. Подобная невозможность быть устраненным из сферы риска, не испытывать на себе негативные последствия уже запущенных чужой волей процессов, позволила немецкому философу и социологу провозгласить наступление «общества риска»⁷. С социально-философской точки зрения, существенными характеристиками такого типа социального устройства являются, с одной стороны, неспособность общества изменить характер сложившихся процессов воспроизводства социального, а с другой – стремление заложить в оценку эффективности данных процессов потенциальные

⁶ Яницкий О. Н. 2004, 6-7.

⁷ Бек У. 2000, 46.

риски и добиться их минимизации. Разумеется, в значительной степени современные социальные институты пытаются вести борьбу не с источниками рисков, заранее предупреждая их появление, а лишь с их последствиями, что значительно снижает эффективность стратегий минимизации и только способствует усилению рискогенности всего глобализированного социума.

В своих более поздних работах У. Бек подчеркивает, что необходимо отличать глобализм как экономическое течение, отстаивающее идею всемирного рынка и полезность трансграничного движения капитала, от более всеобъемлющей идеи, именуемой У. Бекем «космополитическим мировоззрением». Как указывает немецкий ученый, «космополитическое мировоззрение необходимо как предварительное условие изучения процесса преодоления границ, который пробуждает неонациональный рефлекс, заставляющий вновь выстраивать ограды и барьеры»⁸. Глобализация рисков, ставящая любое общество, вне зависимости от его принадлежности к развитым или развивающимся, в состояние постоянной угрозы, требует не только институциональной космополитизации (создания системы межгосударственных механизмов урегулирования данных рисков), но и формирования новых форм мышления, постановки проблем и поисков решений. При этом вполне естественно, что формирующееся глобальное мировоззрение сталкивается с осознанным стремлением как отдельных индивидов, так и целых сообществ к сохранению существующей социальной идентичности⁹.

Можно констатировать, что утопическими представляются размышления многих современных теоретиков о том, что в современном обществе актуализируются тенденции уменьшения рисков и конфликтов, стабилизации социальной ситуации и снижения межкультурных противоречий. «Общество риска» становится методоло-

⁸ Бек У. 2008, 26.

⁹ Орлов М.О. 2008, 84.

гическим концептом, описывающим не просто отдельные проблемы в экономическом или экологическом развитии общества, но диагностирующим изменившийся характер самой человеческой цивилизации, в которой любое явление представляет собой потенциальную угрозу. Без учета тех рисков, которые несет с собой изменяющееся отношение людей к своему прошлому, невозможно выстраивание контуров нового, глобального мира, создание общечеловеческой цивилизации и прогнозирование ее развития на долгосрочный период.

Несмотря на то, что в последние годы происходит резкое ускорение технологических и социально-экономических преобразований, прошлое по-прежнему остается важнейшим источником легитимации социальных институтов. Даже политические и юридические споры, касающиеся перераспределения экономических ресурсов, опираются на понятия исторического приоритета, что позволяет считать социальную память неотъемлемым элементом современного социального устройства. Вместе с тем, основная функция социальной памяти, а именно – создание и поддержание идентичности определенных социальных сообществ, начинает в условиях общества риска наделяться негативными характеристиками, поскольку производство идентичности оказывается напрямую связано с производством *идентификационных рисков*. Под идентификационными рисками понимаются потенциальные угрозы существованию определенной социальной группы, вызываемые созданием или поддержанием социальной памяти, провоцирующей конфликты с другими социальными группами на религиозной, национальной или какой-либо иной основе.

*Предпосылки трансформации исторической памяти
в обществе риска*

Историческое знание в конце XX века поверглось нескольким методологическим вызовам, позволившим некоторым ученым поспешно заговорить о кризисе исторической репрезентации, невозможности постижения

прошлого и, следовательно, о прекращении существования истории как науки. Другие исследователи справедливо замечали, что невозможность подвести все многообразие современных исторических сюжетов под одну объяснительную модель еще не означает кризиса исторической науки. Скорее, это становится способом переосмысления ее методологических оснований, отбрасывания тех допущений, которые считались абсолютными, хотя были выработаны в рамках просвещенческой рациональности. Иначе говоря, перед историей в очередной раз забрезжила потребность в метаистории как дисциплине, позволяющей исторической науке самой переместиться в фокус исследования.

Стремление сместить взгляд ученого с привычных объектов исследования, выработать новые методы постижения прошлого привело значительную часть историков к изучению исторической памяти, что вылилось в возникновение новой дисциплины, получившей название «memory studies». При этом, естественно, никаких общих методологических ориентиров в основание данной дисциплины заложено не было. Существовал только круг авторов-основоположников, в число которых входит Морис Хальбвакс, впервые употребивший сам термин «коллективная память», а также несколько гуманитариев самой различной направленности – от Марка Блока до Зигмунда Фрейда. В такой ситуации насущной потребностью любого автора, который употребляет само понятие «историческая память», становится прояснение тех методологических установок, которые принципиально отличают исследование исторической памяти от исследования истории. Поскольку в противном случае данный термин рискует превратиться в устойчивый синоним уже существовавших понятий, лишившись тех уникальных особенностей, которые и позволили исследованиям памяти заслуженно претендовать на магистральное направление во всей современной исторической науке.

Историческая память – это не состояние, а процесс. Говоря о динамике или трансформации историче-

ской памяти, мы имеем в виду не изменение самого содержания памяти, а изменение тех социальных конфигураций, которые вызывают к жизни различные наборы исторических фактов и их интерпретаций¹⁰.

Современная глобальная ситуация оказывается прямо противоположной эпохе созидания национальных государств, когда все доступные государственные ресурсы задействовались в процессе закрепления за политическими субъектами определенных зон экономического влияния. Национально-государственный тип исторической памяти в этот момент находился на пике своей популярности, поскольку для подкрепления своих притязаний (прежде всего, территориальных) требовалось постоянное повторение рассказываемых историй с целью усвоения национальной идентичности всеми жителями территории, охваченной влиянием того или иного государства. В современном обществе происходит деконструкция национальной памяти, расчленение ее до составных элементов с целью возможности собирания из этой мозаики совершенно иного типа исторической памяти, позволяющего избежать конфликтов между образцами прошлого, транслируемыми в различных национальных государствах. Трудности, переживаемые в настоящий момент национальной памятью, вызваны не только внешним натиском со стороны глобализирующих тенденций мирового развития, но и дискомфортом в процессе самоидентификации с определенной национальной общностью – во многом из-за того, что историческая память многих подобных общностей в результате бурных событий последнего столетия оказалась запятнана фактами, нуждающимися, скорее, в забвении, нежели в сознательном запоминании и реконструировании. Национальная идентичность, основывающаяся на сохранении в памяти социального сообщества событий национальной истории, становится чересчур дискомфортной, что заставляет индивида искать альтернатив-

¹⁰ См. подробнее: *Olick J., Robbins J.* 1998, 106-108.

ные способы идентификации – через соотнесение себя в первую очередь с другими социальными общностями, либо через приобретение виртуальной идентичности.

Структура исторической памяти, свойственная индустриальному обществу, в котором господствовал печатный тип коммуникации (книжная культура), подвергается системной трансформации, осуществляющейся на всех уровнях функционирования социальной памяти. Историческая память включает в себя следующие уровни:

1. Историческая память как информационная система, где действуют особые закономерности сохранения, переосмысления и воспроизведения информации о прошлом. В зависимости от носителей социальной информации (технические системы, социальные связи, предметы культуры, язык) выстраиваются мнемотические программы исторической памяти, структурируются артефакты информационного пространства. Сохраняя информацию о прошлом, артефакты, помимо знаковых систем, содержат духовные матрицы исторического сознания своей эпохи. Способность общественного разума оберегать, удерживать прошлое в информационных системах, выражает фундаментальную способность человека как родового существа к безграничному саморазвитию и расширению своего жизненного пространства в национальных и глобальных масштабах. Концентрируя информационные потоки, историческая память выделяет, сохраняет и транслирует «артефакты-тексты», содержащие информацию о социальном поведении, о типах и способах управления общественными структурами, аккумулирует знания об окружающем мире. Особое значение приобретает доминирование определенного способа коммуникации, посредством которого человек обращается к информационным ресурсам.

2. Историческая память как особая институциональная структура, создаваемая людьми для воспроизводства материальных и духовных ценностей цивилизации. Учреждения культуры, архивы, банки информации, социально закрепленные стандарты и другие институци-

ональные формы исторической памяти пронизывают все стороны жизни общества, выражают порядок социальной жизни, без которого немисливо социальное пространство. При этом необходимо обратить внимание на то, что институциональное измерение исторической памяти может рассматриваться в двух методологических ракурсах. С одной стороны, историческая память структурируется той диспозицией социального пространства, которое задано системой господствующих социальных институтов (государств), а с другой – механизмом воспроизводства исторической памяти является система специально создаваемых социальных институтов (архивы, музеи, библиотеки).

3. Историческая память как система ценностей, являющихся продуктом социокультурных практик. Как известно, практики выступают человеческими формами активного отношения к миру, важнейшими факторами образования жизненного пространства человеческого рода и всеобщими основаниями культуры. В целом, совокупность социокультурных практик, содержание которых составляет наследование человеческого опыта и превращение его в достояние цивилизации, становится субстанцией исторической памяти. Функционирование первоначальных структур исторической памяти определяется ранними типами информационной культуры человечества: культуры символических действий, культуры слова и культуры письменности. Но историческая память не только задает социокультурные стереотипы обращения к прошлому, она еще и является продуктом современных тенденций развития культуры, воплощает в себе современные ценностные установки. В этом смысле, историческая память является крайне динамичным феноменом, функция которого по отношению к обществу в целом и к отдельным индивидам может варьироваться в зависимости от ценностных структур жизненного пространства общества.

Исходя из ключевых характеристик исторической памяти, можно выделить следующие изменения, проис-

ходящие в обществе риска на коммуникационном, институциональном и ценностном уровнях.

На коммуникационном уровне усиление рискогенных характеристик социальной памяти оказывается напрямую связано с изменением способов коммуникации, развития глобальных информационных сетей и, как следствие, глобализации информационного пространства. Само понятие глобализации, как убедительно доказывает В.Л. Иноземцев, нельзя сводить к экономическим и социальным явлениям последних трех десятилетий XX века¹¹. Подобные интеграционные (в первую очередь – коммерческие) тенденции, в XVI столетии сводившиеся к открытию и осваиванию новых земель, в начале XXI века наличествуют в виде информационных потоков, смыкающихся в единую информационную сеть. Именно на основе распространения информации, непосредственно определяющей экономический уклад постиндустриального общества, становится возможным создание глобального социального пространства.

Если начальные формы глобализации осуществлялись в рамках деятельности государств, то современная глобальная ситуация перерастает прежние институциональные рамки, а сами государства становятся уже вторичными участниками глобализационных процессов. В этом смысле интересно то, что информация, потенциально являющаяся залогом создания глобального информационного пространства, свободного от влияния национальных или политических идеологий, выступает одновременно и как *ресурс*, обладание которым является условием доступа к власти.

Процесс соединения информационных структур индустриального общества и глобальных информационных сетей постиндустриального «общества риска» не проходит безболезненно. Уже сейчас можно констатировать, что человечество находится на пороге «мнемонических войн», когда страты и корпоративные субъекты, за-

¹¹ Иноземцев В.Л. 2000, 20-22.

нимающие доминирующее положение в информационном пространстве глоболизирующегося социума, стремятся собственную локальную историю превратить в глобальную «память мира», используя при этом ресурсы компьютерных технологий и масс-медиа. На фоне становления глобального проекта социальной памяти усиливается влияние локальных «мнемонических войн», связанных со стремлением отдельных политических субъектов переписать свою историю с позиций глобализма, встроить индивидуальные образы прошлого в общую картину прогресс общечеловеческой цивилизации.

На институциональном уровне трансформация исторической памяти в обществе риска непосредственно связана с изменением структуры социального пространства.

В европейской истории Нового времени основными субъектами, нуждающимися в легитимации собственной идентичности посредством конструирования определенной картины прошлого, были национальные государства. Получив распространение в эпоху постепенного исчезновения сословной структуры средневекового общества, они сумели объединить в пределах своего жизненного пространства практически все иные типы социальных общностей с присущими им практиками конструирования социальной памяти и ее актуализации. Конечно, даже в условиях существования национальных государств всегда сохранялось немало особых «групп памяти», но истории, рассказывающиеся в таких группах, всегда оставались на периферии официальной памяти, представляя собой инварианты той картины прошлого, которая транслировалась государственными средствами коммуникации и обеспечивала воспроизводство национально-государственной идентичности¹².

Современный кризис национальных государств под давлением процессов информатизации и глобализации вызывает к жизни необходимость пересмотра прежних типов памяти, которые концентрировались вокруг

¹² *Бойцов М.А.* 2006, 57.

истории отдельных государств и вдохновлялись национальными ценностями, ценностями книжной культуры. На смену национальной памяти постепенно приходит память единого мирового сообщества, память глобальных социальных институтов, которые принимают на себя функцию репрезентации мирового сообщества в определенных сферах человеческой деятельности (ООН, НАТО и др.). Дело в том, что у человечества как целого никогда не было общей памяти. Возникновение самой идеи о человечестве как целом и, соответственно, о наличии общечеловеческой социальной памяти, можно датировать только началом XX в., когда экономические, военные и социокультурные коммуникации заставили людей даже в самых отдаленных уголках земли почувствовать себя населением одной планеты. Неолиберальный проект построения исторической памяти, реализуемый посредством идеи культурной глобализации, именно поэтому строится на отрицании расовых, национальных и классовых различий и подчеркивании тех черт, которые позволяют каждому индивиду осознавать себя не представителем конкретной социальной группы, а идентифицировать себя с человечеством в целом. Само собой разумеется, что образ «человечества» в данном случае строится по особым лекалам, разработанным в русле европоцентристской традиции, а достигнутые в результате развития этой традиции ценности во всеуслышание объявляются неотъемлемыми чертами всего человеческого рода.

Вполне естественной в этом случае представляется точка зрения, согласно которой общечеловеческий (или глобальный) тип социальной памяти должен конструироваться без учета индивидуальных траекторий развития отдельных цивилизаций или социальных групп. Сосредоточение внимания на уникальности и неповторимости исторического пути оказывается противоречием на пути становления глобальной идентичности, способной избежать культурных разломов и, соот-

ветственно, конфликтов на почве культурных предпочтений или исторического несоответствия.

Не менее резким трансформациям подвергается и система социальных институтов, осуществляющих трансляцию исторической памяти. В условиях методологического кризиса науки возрастает роль альтернативных массовых репрезентаций прошлого, к которым М.А. Кукарцева относит «художественные и документальные фильмы, Power Point презентации, компьютерные игры, музеи «живой истории», цифровые архивы, медиа и пр.»¹³. Все эти репрезентации отображают различные формы социальной памяти, существующие в современном мире, искажая, с точки зрения профессиональных историков, «истинную» картину прошлого, но предлагая тот продукт, который оказывается востребован современным обществом в целом. Как отмечает А. Мегилл, именно с кризисом профессиональной историографии можно связать широкое распространение самого термина «историческая память», который начинает употребляться сразу в нескольких, хотя и тесно переплетающихся значениях. Во-первых, историческая память апеллирует к *опыту*, который является общим для представителей определенной социальной группы и который может варьироваться в зависимости от степени участия: непосредственные участники событий, свидетели и т.д. Во-вторых, историческая память может служить способом «приватизации» широкомасштабной *традиции*, ее интериоризации локальным сообществом. В-третьих, память может выступать как *коммеморация*, то есть как периодически повторяющееся событие, символически возрождающее то или иное событие прошлого, значимость которого в настоящем необходимо подтверждать с целью непрерывной социальной идентификации¹⁴.

Рискогенность институционального уровня исторической памяти, следовательно, проявляется в необхо-

¹³ Кукарцева М.А. 2011, 7.

¹⁴ Мегилл А. 2011, 120-121.

димости освоения альтернативных способов репрезентации прошлого, без чего оказывается невозможным поддержание идентичности в рамках отдельного сообщества. Национальная память, проявляющая себя даже не в сознательном выборе определенного набора ценностей, а в имплицитных параметрах мышления как профессиональных историков, так и рядовых граждан, превращается в источник потенциальных рисков. Национальная память выражает выборочное отношение к прошлому. Один и тот же исторический факт не только может поддаваться различным интерпретациям в зависимости от того, какими политическими и культурными предпочтениями обладает этнос, обращающийся к этому факту, но и само его существование как исторического факта подвержено структурным изменениям. Понятно, что конкретное историческое событие не может быть лишено своих пространственных и хронологических характеристик (речь в данном случае не идет об уточнении исторических фактов, которым занимается профессиональная историческая наука), но оно может восприниматься, либо не восприниматься национальным сознанием в качестве достаточно значимого факта, чтобы служить источником социальной и исторической идентификации. Для исторической памяти различных национальных или культурных общностей, проживающих на территории одного государства, в качестве истоков национального самосознания и национальной идентичности могут избираться различные исторические события. Это приводит к конфликту различных вариантов исторической памяти, что проявляется даже на бытовом уровне: следует ли считать государственным праздником некое событие, если оно не представляется знаковым для одного или нескольких социальных сообществ или, что еще хуже, наделяется в их социальной памяти негативными коннотациями.

Национальная память постепенно теряет социальное влияние, поскольку строится на подчеркивании претензий к другим нациям и восхвалении собственного

национального достоинства. Идентичность, построенная на таком типе памяти, строится на конфликтогенных ситуациях, поэтому может выступить фактором, затрудняющим успешное функционирование социальных общностей и социальных институтов в современном мире. От того, насколько общество готово к усвоению технологических инноваций и «переводу» имеющейся исторической памяти в глобальное информационное пространство, зависит достижение социальной стабильности в настоящем и будущем.

На *ценностном уровне* исторической памяти также происходят существенные трансформации, способствующие увеличению идентификационных рисков.

Одним из ценностных векторов исторической памяти в современную эпоху становится функционирование в качестве источника коммерциализируемых образов. Образы прошлого становятся товаром, измеряются категорией полезности. Контуры формирующегося глобального общества начинают обрисовывать тотальный рынок, на котором представители различных стран и социальных общностей выступают равноправными потребителями глобальных товаров, распространяемых через коммуникативные сети. От исторической памяти массовое сознание требует не соответствия исторической действительности (ввиду сомнений в наличии таковой), а умения развлекать потребителя, предлагая ему прошлое как узнаваемый товар. В подобных условиях исчезает дилемма подлинной и фальшивой коллективной памяти, которая остро стояла для М. Хальбвакса, стремившегося очистить память от субъективных наслоений и сделать ее верифицируемым научным источником, а проблема выбора того или иного типа памяти становится делом интерпретации исторических событий в контексте максимального удобства для современного положения дел¹⁵.

¹⁵ Хальбвакс М. 2007, 14.

По сути, формируется глобальный тип исторической памяти, взаимодействие которого с памятью национальных общностей становится дополнительным фактором рискогенности, поскольку функционирование данных типов в памяти в рамках различных систем координат приводит к их столкновениям, порождающим кризисы идентичности у субъектов в глобализирующемся социальном пространстве. Этот ценностный разрыв проходит не только между политическими субъектами, но и в рамках локальных сообществ, разделяя людей на тех, кто готов принять новую глобальную конфигурацию прошлого, и на тех, кто стремится сохранить привычные для себя нормы и ценности национальной социальной памяти. Глобализация исторической памяти становится, таким образом, вызовом, на который должно найти ответ любое государство, пытающееся включиться в структуру глобального социального пространства. В этой связи отдельной темой исследования является место национальной памяти России в структуре исторической памяти глобального мира. Сложная траектория исторического процесса российского социума в XX в. стала дополнительным фактором рискогенности, наложившим отпечаток на историческую память современного общества и способствующим его децентрализации и ценностным расколам. В связи с этим ключевой задачей социальных и политических структур современной России становится выработка общих образов прошлого, которые позволят осуществить консолидацию российского общества и его интеграцию в структуру глобального мира.

Риски исторической памяти в российском обществе

В современном российском обществе отчетливо выражена тенденция к обретению исторических корней, восстановлению утраченных связей между настоящим и прошлым. В этом проявляется ощущение социальной нестабильности, неуверенности в ближайшем, тем более, в отдаленном будущем, и – как следствие – стремление найти историческое обоснование существующего

или желаемого социального статуса. Особенно важными являются процессы поиска исторической идентичности для молодежи, которая, в силу неустойчивости социальных позиций, особенно остро ощущает потребность в подтверждении правильности своих действий ссылками на исторические образцы. Для характеристики особого срез общественного мировоззрения, ответственного за выстраивание идентифицирующих связей между репрезентацией прошлого, оценкой настоящего и проекцией на будущее, применяются самые различные термины, выбор между которыми отражает как личные пристрастия каждого исследователя, так и имплицитные методологические установки.

В качестве наиболее употребляемых терминов выступают понятия «историческое сознание» и «историческая память», выявление методологических различий между которыми становится насущной проблемой любого исследователя, занимающегося данной проблематикой.

Под историческим сознанием в узком смысле этого термина понимается «соотношение элементов традиционного и изменяющегося, выражающееся в историческом знании как результате исторического познания и его интерпретации, что ведет к осознанию собственной исторической идентичности в потоке универсальной историчности человека в его прошлом, настоящем и будущем состояниях»¹⁶.

Историческая память, в отличие от исторического сознания, во-первых, представляет собой проекцию прошлого в контексте современных социокультурных и социально-политических реалий, а во-вторых, является не только формой мышления, но и социальной практикой, реализуемой посредством создания музейных экспозиций, туристических маршрутов, публичных коммемораций. По сути, это набор повседневных знаний о прошлом, который актуализируется в различных социальных практиках, выступая источником идентификации индивида с определенным сообществом, причем

¹⁶ Линченко А.А. 2010, 101.

основным критерием такого соотнесения является не столько знание определенного набора фактов, сколько солидарность в отношении оценок этих фактов.

Специфика исторической памяти молодежи заключается, прежде всего, в том специфическом положении, которое занимает эта социальная группа в структуре общества. Дело в том, что молодежь характеризуется двойственным социально-психологическим статусом.

Понимание социально-философского содержания категории «молодежь» и ее определение в качестве социальной группы напрямую связано с выявлением ее роли и места в общественном воспроизводстве. В результате смены поколений осуществляется простое или расширенное воспроизводство социальной структуры, в ходе чего выявляется основная социальная функция молодежи, чаще всего именуемая воспроизводственной. Реализуя эту функцию, каждое новое поколение обеспечивает сохранение целостности общества и участвует в его совершенствовании и преобразовании, благодаря своему инновационному потенциалу. Под воспроизводством понимается постоянное повторение, непрерывное возобновление процесса общественного производства, призванное обеспечить развитие общества и отдельных социальных групп как целостной системы.

В процессе общественного производства воспроизводятся не только материальные блага или совокупный общественный продукт, но и все многообразие общественных отношений. Можно говорить об эволюционном развитии системы социальных отношений и групп в форме их циклического воспроизведения. Соответственно развитие молодежи как социальной группы может носить различный характер:

1. Выступая в качестве деструктивной формы (дизинтеграция, социальное исключение);
2. Нося характер преемственности социального опыта, накопленного предшествующими поколениями (простое воспроизводство);

3. Приобретая черты расширенного воспроизводства путем обновления условий жизнедеятельности и всей системы общественных отношений.

Включаясь в общественные отношения и идентифицируясь с ними, молодое поколение интегрируется в общество. Отражая характер циклического воспроизведения системы социальных отношений, этот процесс в социальном плане предстает как изменение молодежью своего места в социальной структуре, то является формой социальной мобильности. Позитивная направленность изменения количественных и качественных показателей молодежи в ходе ее становления в качестве субъекта общественного воспроизводства свидетельствует о том, что эта группа находится на стадии социального развития, которое отражается в приобретении и изменении представителями этой группы своего социального статуса. Процесс получения социального статуса, протекающий в ходе интеграции молодежи в социальную структуру определенного сообщества, а также идентификации с различными социальными группами, называется некоторыми исследователями транзицией, что только подчеркивает взаимосвязь существования молодежи в качестве социальной группы со структурно-функциональными характеристиками как стабильно развивающегося, так и транзитивного общества.

В обыденном сознании молодого человека транзикация выражается в стремлении достигнуть социального статуса своих родителей или старших друзей. Достижение поставленной цели приносит удовлетворение и является стимулом для дальнейшего повышения своего статуса, а нереализованность жизненных планов приводит к разочарованию и поиску других путей жизненного самоопределения. И тот, и другой пути сопряжены с определенными рисками, поэтому можно констатировать, что в стабильно развивающемся обществе риски молодежи являются результатом специфического положения этой социальной группы в структуре общества. В первом случае риск обусловлен ограниченными возможностями, предоставляе-

мыми обществом для обеспечения успешного продвижения молодых людей по карьерной лестнице. Молодой человек рискует остаться без образования или без профессии, не найти интересующей его работы или не продвинуться по службе, не найти средств для создания семьи или для приобретения жилья.

Не сумев реализовать себя в таком обществе, молодежь оказывается перед лицом другого типа риска: быть выброшенной на обочину жизни, либо пойти по пути нарушения закона. Риск в данном случае характеризуется состоянием перехода от определенности к неопределенности исхода социальной деятельности и возможными неблагоприятными последствиями в случае ее провала.

В ходе процесса воспроизводства общество предъявляет определенные требования к молодому поколению, выходящему на арену социальных отношений. Источниками этих требований, с одной стороны, выступают исторические традиции данного общества, а с другой – господствующее представление о целях его развития. Общество, таким образом, контролирует направленность социальной интеграции молодежи, исходя из целесообразности воспроизведения тех или иных структур и отношений в интересах его целостности, устойчивости и развития.

Механизм социального воспроизводства – воспроизводства жизненных средств и жизненных сил человека – во всех современных обществах выглядит одинаково, но это вовсе не значит, что воспроизводственные процессы протекают одинаково. Период социальных изменений ставит молодежь в особые социальные условия. Образцы ее социализации кардинально отличаются от тех, которые были характерны не только для их родителей, но и для молодежи более старших возрастных групп. Таким образом, являясь представителями одной и той же группы, молодые люди существенно отличаются друг от друга и своими поведенческими стереотипами, и ценностными основаниями своего поведения.

В условиях социальной трансформации молодежь чаще отрицает опыт старших, нежели усваивает его. Это

обстоятельство меняет форму воспроизводственного процесса уже на первой его стадии – на стадии преемственности, обостряя риск, связанный с неравенством жизненного старта. Что касается выработки новой модели воспроизводства, то ее концептуализация оказывается затруднена существованием двух ключевых тенденций. Первая из указанных тенденций акцентирует внимание на том, что не все структуры и отношения могут и должны воспроизводиться молодым поколением. В какие структуры окажется интегрирована молодежь, что она выберет своим ориентиром и с чем она себя идентифицирует – все эти факторы способны оказать судьбоносное влияние на развитие и самой молодежи, и общества в целом.

Символическим маркером, обозначающим положение молодежи в современном российском обществе, становится трансформация исторической памяти, прежде всего, памяти об относительно недавнем прошлом. Социологические исследования, выявляющие специфику исторической памяти в российском социуме, обращают внимание на тот факт, что по-прежнему наиболее важным событием в отечественной истории считается Великая Отечественная война. Но подобная однозначность при оценке общества в целом не должна перечеркивать тот факт, что при изучении различных социальных групп можно выявить любопытные закономерности трансформации исторической памяти.

Если в возрастной группе свыше 50 лет фиксируется устойчивое внимание к истории Великой Отечественной войны (70% респондентов), то в молодежной среде однозначно свой интерес к этому историческому событию фиксируют ли 28% опрошенных.¹⁷ Причем в качестве обоснования отсутствия такого интереса самим представителями молодого поколения указывается на отдаленность данных событий от реалий современной жизни. По сути, в современном российском обществе складывается специфическая ситуация, при которой старшая возрастная группа еще об-

¹⁷ Чернова О.В. 2014.

ладает специфической исторической памятью, почерпнутой, по большей степени, в семье, о событиях Великой Отечественной войны, в то время как молодежь продолжает сохранять эту память, скорее, «по инерции». Память о войне для молодежи важна не сама по себе, а как те ценности, которые значимы для предшествующего поколения. Иначе говоря, для молодежи сохранение данного пласта исторической памяти обладает уже не самостоятельным значением, а является специфической формой «вежливости» по отношению к родителям. По сути, эта память является тем скрепляющим элементом, который обеспечивает взаимосвязь поколений и социальную солидарность в российском обществе, значительно трансформированном за годы реформ и социальных преобразований конца XX века.

История с опросом о блокаде Ленинграда, проведенном телекомпанией «Дождь» в 2014 г., отчетливо демонстрирует ту базовую роль, которая сохраняется за исторической памятью о Великой Отечественной войне в формировании современной российской идентичности. Причем, системообразующий характер памяти о войне подчеркивается остротой переживания любого сомнения в масштабе тех исторических событий, которые составляют неперенный набор коллективной идентичности. С целью уменьшения подобной травматичности системообразующие факты подвергаются кодификации, которая облегчается постепенным переходом транслируемых воспоминаний из памяти коммуникативной (живой) в память культурную (застывшую), а кодификация заключается в создании правовых и морально-этических рамок интерпретации исторических событий.

Естественным следствием прохождения «временного порога» является селекция воспоминаний. Целью селекции становится сохранение той памяти, которая служит консолидации российского общества, с одновременным устранением тех знаний о прошлом, которые имеют деструктивный характер. При этом речь не идет об истинности или ложности подвергаемых отбору воспоминаний, а исключительно о социальном или полити-

ческом прагматизме. Аналогом Великой Отечественной войны для современного российского общества является Холокост (в случае большинства европейских государств), что проявляется в официальном запрете на сомнения относительно Холокоста в законодательных практиках целого ряда стран.¹⁸

Показательным для российского общества в этом смысле становится опыт Германии, для которой дебаты об исторической памяти стали важным элементом политической жизни в 70-80-е годы XX века. В результате ожесточенных дискуссий, сопряженных с конфликтом поколений в политической жизни германского общества, победила точка зрения «пересмотра» нацистского периода, заключающаяся в «публичном покаянии», принесенном молодым поколением за преступления, совершенные их отцами и дедами. Можно согласиться с А. Миллером, что историческая политика в современном российском обществе актуализирует принципиально иные механизмы исторической памяти, которые можно условно обозначить как «вытесняющее забывание».¹⁹ Забывание в данном случае оказывается не способом устранения «травматических» событий прошлого, а путем их вытеснения в общественное сознание маргинальных социальных групп, из которого, однако, эти воспоминания могут извлекаться в самый неподходящий момент в связи с изменением социально-политического контекста.²⁰

Теме не менее, принципиально важным становится понимание исторической памяти о Великой Отечественной войне как точке консенсуса между властью и обществом в современной России. Если для общества роль данной памяти определяется фактором поддержания коллективной идентичности, то безусловная поддержка и воспроизводство властью устойчивых репрезентаций военного прошлого обусловлена несколько иными причинами. Разумеется, нельзя упускать из виду

¹⁸ *Копосов Н.Е.* 2010, 7-14.

¹⁹ *Миллер А.* 2012, 356.

²⁰ *Аникин Д.А.* 2013, 3-8.

стремление к использованию властью общественной солидарности в оценках определенных исторических событий в качестве ресурса легитимации собственных полномочий. Но не менее значим и другой аспект – Великая Отечественная война предстает для властной элиты способом оправдания негативных элементов общественно-политической жизни российского общества на протяжении XX столетия. Победа в войне выступает тем символическим маркером, который нивелирует те социально-политические и экономические явления, которые в противном случае могли бы интерпретироваться как ошибки и заблуждения властных элит.

Вместе с тем, закономерности исторического развития демонстрируют, что любая кодификация исторической памяти не становится консервацией определенного образа прошлого, а подчиняется общим тенденциям исторической изменчивости. Из этого следует достаточно очевидный факт, что историческая память современного российского общества может успешно играть роль символического ресурса только в случае модернизации российской действительности, ее соответствия не только заданным и тщательно поддерживаемым историческим стандартам, но и футуристическим ориентирам.

Литература

- Линченко А.А.* 2010. Целостность исторического сознания. Введение в исследование проблемы. Липецк-Тамбов.
- Чернова О.В.* 2014. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне // <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=138&journal=68> [Дата обращения: 02.02.2014]
- Копосов Н.Е.* 2010. Память строгого режима. М.
- Миллер А.* 2012. Историческая политика в России: новый поворот // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера. М. Липмана. М., 328-367.
- Аникин Д.А.* 2013. Феномен забывания и диалог культур в глобализирующемся социуме: российский опыт // Известия Саратов-

- ского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». Т. 13. Вып. 2, 3-8.
- Орлов М.О.* 2008. Социально-политические факторы динамики глобальных процессов. *Власть.* № 8, 84-88.
- Бек У.* 2000. Общество риска: на пути к другому модерну. М.
- Вебер М.* 1990. Избранные произведения. М.
- Мило Д.* 1994. За экспериментальную, или веселую, историю // *THESIS.* № 5, 189-200.
- Яницкий О.Н.* 2004. Россия как общество риска: методология анализа и контуры теории // *Общественные науки и современность.* № 2, 6-15.
- Бек У.* 2008. Космополитическое мировоззрение. М.
- Иноземцев В. Л.* 2000. Глобализация: иллюзии и реальность // *Свободная мысль – XXI.* № 1, 20-28.
- Бойцов М.А.* 2006. Выживет ли Клио при глобализации? // *Общественные науки и современность.* № 1, 57-68.
- Кукарцева М.А.* 2011. Трансформация эпистем: познание истории в ускользающем мире // *Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Под ред. М.А. Кукарцевой.* М., 6-27.
- Мегилл А.* 2011. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого // *Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Под ред. М.А. Кукарцевой.* М., 115-128.
- Хальбвакс М.* 2007. Социальные рамки памяти. М.
- Olick J., Robbins J.* 1998. Social Memory Studies: From Collective Memory to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology.* 24, 105-140.